

Если из области идеального перенестись в область быта - а ныне именно там проверяется на крепость семья - то сразу придется обратить внимание на то беспокойство, которое вызывает у ученых резко возросшее число разводов. Среди причин - материальные, психологические, адюльтер и пьянство. Сплошь и рядом неостребованность мужчин толкает их к бутылке, чтобы, как говорят англичане, *grow in their sorrows*.*

А жены? Их история достаточно печальна. В X-XV вв. женщины имели достаточно широкие и реальные юридические права, в том числе на движимость и недвижимость. С развитием феодальных отношений круг их прав сужался, а появившийся в XVI веке "Домострой" вообще запер их на ключ в тереме за высоким забором. Крестьянки, в силу своих хозяйственных функций, стали свободней княжон и княгинь. Постепенная эмансипация XVIII-XIX веков к нашему времени наконец уравнила женщин с мужчинами, и теперь приводимая ниже фраза Г.В.Ф.Гегеля из "Афоризмов Берлинского периода" стала неактуальной:

"Русские женщины жалуются, если мужа не бьют их, - значит, они их не любят". /23, т.2, с.557/

Относительно крепости русской семьи осталось сделать еще только одно замечание. Примером для подражания в России всегда были старобрядческие семьи - действительно крепкие, с четким распределением "функциональных обязанностей" членов семьи, со здоровым налаженным бытом, взаимоподдержкой и взаимопониманием /вспомним хотя бы Анастасию Марковну, жену протопопа Аввакума/.

Если зло под крышей дома всегда было и есть лишь досадным, хотя и болезненным, исключением, то зло "улицы", т.е. бездомности, бессемейности, являлось скорее правилом. И здесь речь идет не об "идейных бомжах", которые в нравственном отношении иногда могут быть даже примером для иных семейных. Речь о том "люмпене", о тех маргинальных элементах общества, которые олицетворяют собой самые низменные закоулки человеческой души, то, что Библия приписывала одному из сыновей Иосифовых, Хаму. Причем под хамством я имею в виду не просто бытовую грубость и наглость, а явление в его расширительном смысле, объединяющее босаячество, хулиганство, воровство, крайнюю асоциальность и т.д. "Улица", о которой говорится на этих страницах, - это среда, где *homo hominis iuris est*** . Это - самое дно, самые нижние слои того дикого и непобежденного феномена, который назван Н.Бердяевым "гоголевским хамством". В статье "Духи русской революции" /1918/ читаем:

"Гоголевская Россия не есть только дореформенный наш быт, она принадлежит м е т а ф и з и ч е с к о м у характеру русского народа... То нечеловеческое хамство... не есть порождение старого строя". /6, с.59/

Вполне вероятно, что Гоголь, рисуя это хамство, и сам до конца не понимал, что изображает не язвы времени и даже не язвы строя, а язвы самой души русского народа. Называя дно этого хамства "улицей", мы тем самым как бы отсекаем от этого понятия все его социальномерархические признаки: это не воровство Петрушки, а просто воровство, это не наглость Ноздрева, а просто наглость; словом, это зло как психологическое явление. Говоря о трех лицах Хама, воцаряющегося в России, Д.Мережковский в своем "Грядущем Хаме" отмечал, что первое лицо принадлежит самодержавию, второе - официальной Церкви, а лицо Грядущего Хама - это

"...лицо хамства, идушего снизу - хулиганства, босаячества, черной сотни - самое страшное из всех трех лиц". /56, с.43/

* утопить свои печали /англ./

** человек человеку - волк /лат. - Тит Макций Плавт, "Ослы"/

Ужас, вызываемый "улицей" у нормальных людей, состоит не только и не столько в том, что "улица" может оскорбить, надругаться, обокрасть, изнасиловать, убить. Страшно то, что зло у же стало вполне осознанным /не оступился, а знал, на что шел, знал, что творил зло/, привычным и даже обдуманым. Страшно то, что все это дно, вся эта "улица" сознательно отступается от Бога и от христианских принципов. Взять хотя бы матершину - это же прямое указание, что поправа даже мать, и не только родная мать, но и Божья - а с ней и Сам Господь. Страшно и то, что зло организовывается, принимает специфические черты профессии со своей иерархией, своим жаргоном, своей "профессиональной" этикой: все эти "воры в законе", "фрайеры", "зоны", татуировки о числе "ходов" и т.п./.

Но всего страшней - то, что яд "улицы" воспринимается обывателем /конечно, пока не пострадавшим/ не только без отвращения, но и с каким-то интересом и удовольствием. Я уже отмечал, что русские поразительно падки на песни всяких босяков, хулиганов, воров, находя некий романтизм в этом надрыве, густо насыщенном матом. Да это и не удивительно: кто героизировал когда-то разбойников вроде Стеньки Разина - непременно будет хотя бы сочувствовать "бедненьким" арестантам - помутникам, карманникам, насильникам и убийцам. Фридрих Ницше еще в 1888 году в своих "Сумерках кумиров" удивлялся:

"У злых людей нет песен". А почему же у русских есть песни?"
/64, т. I, с. 337/

Между тем, ответ прост: да потому, что песни "злых людей" с удовольствием слушают так называемые "люди добрые". Романтизированное зло - разве это не признак болезни нации? Разве это не знак того, что Грядущий Хам - уже и не грядущий вовсе, а уже воцарившийся, разжиревший, не боящийся ничего и никого, с золотой цепью на шее и с... нательным крестом.

Традиция воспевания разбойников, вышедшая из фольклора, не обошла стороной и русскую классику - от пушкинского "Дубровского" до Некрасовского "Кому на Руси жить хорошо" - не говоря уж о соцреализме с чудовишным "На дне" Горького и симпатичным мошенником Бендером Ильфа и Петрова. Но в этом русская литература не оригинальна. Англичане тоже воспевали и "благородных разбойников" /баллады о Робин Гуде/, и пиратов /"Корсар" Байрона/, и даже братоубийцу /"Каин" Байрона/. Немцы отдавали должное и тем же разбойникам /Шиллер/, и удачливым авантюристам /Томас Манн/. Французы были весьма благосклонны к стихам уголовного Франсуа Вийона, и к образам падших женщин /Бальзак/ и кровавых революционеров /"Робеспьер" Роллана/. Американцев воспитывают на трогательных образах босяков и воров /О. Генри/ и еще более трогательных убийц-мафиози /Пьюзо/.

Почти поголовная ломпен-пролетаризация народа и, как результат, почти абсолютное истребление внутреннего аристократизма привели к чудовишным явлениям сегодняшнего дня: гигантскому размаху преступности /от подворотни до правительства/, полной духовной нищете /категорический отказ молодежи от книг и даже от неразвлекательных видео/ забвению ценностей христианской цивилизации, невиданному доселе расцвету наркомании, порнографии и насилия. Надо уйти с "улицы". Надо обрести Дом. А Дом для человека - семья, любовь, Бог.

§ 15. Духовное и материальное. Возвышен или приземлен русский человек? Казалось бы, есть множество примеров в пользу Духа. Если европейцы за стаканчиком грога мирно беседуют и ценах на хмель, о качествах нового мера и хорошеных женщинах, то русские за стаканом водки непременно решают мировые проблемы добра и зла, коммунизма и капитализма или установления монархии где-нибудь в Румынии. И ничего материального, как отметил еще П. Чаадаев в своих "Письмах":

"Одна из поразительных особенностей нашей своеобразной цивилизации заключается в пренебрежении ко всем удобствам и радостям жизни". /112, с.57/

Следовательно, комфорт нам ни к чему. Более того, духовность русских, по мнению некоторых мыслителей, простирается вплоть до свободы духа. А это, в свою очередь, - неопровержимое свидетельство духовной жизнеспособности нации как единого организма. Николай Лосский, например, в книге "Характер русского народа" пишет:

"К числу первичных свойств русского народа, наряду с религиозностью, исканием абсолютного добра и силой воли, принадлежит любовь к свободе и высшее выражение ее - свобода духа".
/47, с.274/

Это было написано в 1957 году, когда всему миру уже была известна вся глубина падения великого народа в рабление, т.е. после первых разоблачений сталинизма. Когда всем уже было понятно, что материализм в самой своей грубой и дешевой форме был буквально вколот в русские мозги, а нравственная ответственность личности была поставлена в зависимость от так называемых "объективных условий", т.е. от чего-то, лежащего по сторону человеческого духа и морали. Между тем, еще в 1909, в ставе "Интеллигенция и революция" Петр Струве предупреждал:

"Основная философия социализма... есть положение о коренной зависимости добра и зла в человеке от внешних условий. Недаром основателем социализма является... Р.Оуэн, выдвинувший учение об образовании человеческого характера, отрицающее идею личной ответственности". /91, с.141/

Раз "бытие определяет сознание", а "материя первична, идея вторична" - какой может быть разговор о душе и о духе? Такую постановку вопроса высмеял еще в 1914 г. в книге "Столп и утверждение истины" отец Павел Флоренский:

"И если современная психология говорит, что она не знает души как субстанции, то это только весьма скверно выставляет нравственное состояние самих психологов, в массе своей, очевидно, являющихся "потерянными мужчинами". Тогда, действительно, не "я делаю", а "со мною делается", не "я живу", а "со мною происходит". /100, с.174/

Если, как говорят материалисты, нет ни Бога, ни души, то понятие греха совершенно размывается, становится неопределимым или, что еще хуже, определимым произвольно, в соответствии с сиюминутной надобностью. Так же обстоит дело и с понятиями добра и праведности. И тогда прав великолепный Блез Паскаль, формулируя в своих "Мыслях" не менее великолепный парадокс:

"Люди делятся на праведников, которые считают себя грешниками, и грешников, которые считают себя праведниками". /70, а.534/

А между тем вопрос о личной ответственности человека давно уже решен христианством. Духовность личности, ее направленность внутрь, а не на внешнюю мишуру - то самое "Царство Божие внутри вас есть" - вот что определяет меру ответственности человека. Чтобы оценить саму личность, не надо производить сложные экономические, социологические и идеологические расчеты. Достаточно определить степень духовности человека, т.е. степень интенсивности и сложности его духовной жизни, ибо еще Сенека считал человека "презренным и низменным существом, если этот человек не "возвышается над человечеством". Духовность - не синоним маниловщины, дешевого прекрасноречия, всех этих палеек от земли *castles in the air* * - у духа совершенно другая парадигма.

* замки /дворцы/ в воздухе /англ./

Религиозно мыслящий человек, постигая слова Христа о Царстве Божием, неизбежно приходит к дилемме: мыслить осуществление Царства Божьего в материальном мире или полагать его трансцендентальным феноменом. Казалось бы, Господь ясно говорит, что Царство Его "не от мира сего". Но как же тогда быть с Провидением /ведь многие верят, что Бог может им либо помочь, либо навредить в этом мире/; как же тогда быть с картинами Армагеддона и Страшного Суда, нарисованными в Новом Завете и предполагающими эти катастрофы именно на нашей грешной земле? И тогда последовательный христианин непременно должен допустить наличие в Писании многих мест, имеющих чисто педагогический, иллюстративный характер, приспособленных к невежественному читателю начала нашей эры. Такие места называют еще экзотерическими *.

В самом деле, как можно соединить бесконечную человечность Бога и ад для грешников? Если есть ад, то нет тогда Бога всемилостивого. Недаром ведь в Евангелии от Луки помещена притча о блудном сыне: обратившемуся к Нему грешнику Господь радуется больше, чем праведнику. То же и с Провидением: нет и не может быть у Бога никакой власти в этом мире /сказано же - "не от мира сего"/. Как же Он может предопределить судьбу человека на каждый момент его жизни или просто наградить, наказать за что-либо содеянное им? А ведь малограмотные христиане ждут вмешательства Господня.

Я глубоко убежден, что Бог, совершив творческий акт, ждет того же и от человека. Значит, от человека зависит, каков будет окружающий его мир; значит, это на человека Господь возложил ответственность за все зло и все добро, существующие в мире; значит, это в самом человеке следует искать Бога, раз Царство Его помещается "внутри нас". Только придя к этой мысли, можно разрешить все сомнения и отнестись к Провидению, Армагеддону, Страшному Суду и аду как к понятиям иллюстративно-декоративным, дидактическим.

Для того, чтобы встретить Бога на своем жизненном пути, вовсе не обязательно идти куда-то далеко, стремиться за горизонт. Так и некоторые полуграмотные атеисты говорили - вот, мол, Гагарин где побывал, а никакого Бога не видел. Нет, ни ходить, ни летать не надо. Габриэль Марсель в прекрасной книге "Homo Viator" /"Скиталец", 1945/ говорит именно об этом:

"Бог не парит на твоём горизонте, а дремлет внутри тебя".

/55, с. 31/

Значит ли это, что Бог, устранившись от человека, дал ему полную свободу в этом греховном мире и лишь ожидает его в Царстве Своем? Значит ли это, что человек волен пользоваться своей безграничной свободой без оглядки на что бы то ни было, сообразуясь лишь со своими собственными духовными, душевными и интеллектуальными интересами? Неотомист Жан Маритен, как следует из его книги "Принципы гуманистической политики" /1945/, считает, что нет:

"Величайшую, высшую свободу человек обретает, реализуя свою духовную зависимость". /51, с. 32/

Свобода, понятая как духовная зависимость от Бога, ждущего, что человек реализует свои творческие потенции, позволяет человеку сделать выбор между духовностью и материализмом. Русский народ, после нескольких десятилетий "материалистической обработки", далеко уже не тот мечтатель, безразличный к материальным благам, каковым он был когда-то. Следуя своей природной привычке заимствовать как раз самое

* от греч. *exoterikos* - внешний: не тайный, предназначенный и для непосвященных; для сравнения - экзотерический, от греч. *esoterikos* - внутренний: тайный, скрытый от всех кроме посвященных.

негативное, что производит западная цивилизация, русский человек уже к концу прошедшего века погряз в продуктах "общества потребления" - меркантилизме и масс-культуре. Теперь его гораздо проще соблазнить мобильным телефоном или видеокассетой с очередным боевиком, чем самой привлекательной идеей.

Тем не менее такие идеи существуют многие века, и уже одним тем, что совпадают в самом главном, должны привлекать внимание. Например, бывший царевич Сиддхартха Гаутама из рода Шакья, он же - великий Будда, говорит о страдании человека из-за постоянных мирских желаний, будь то богатство, слава или плотские утехи:

"А вот, бхикшу, благая весть о том, что страдание имеет причину. Это жажда, ведущая к перерождениям, связанная со страстью и наслаждением, находящая удовольствие то в одном, то в другом. Жажда бывает трех видов: жажда чувственных удовольствий, жажда перерождений, жажда существования".

/Канон "Типитака" /Три корзины/, "Виная-питака", 4/

То, что истина - не в земных благах, а в умеренности, - основа учения Кун Фу-цзы, он же - великий Конфуций:

"Цзюньцзы есть, но не имеет насыщения; живет, но имеет покоя; в делах он проворен, но в словах осторожен; он идет к тому, что обладает Дао, и исправляет себя".

/"Лунь юй" /Беседы и суждения/, I:14/

А вот как поучает правоверных мусульман великий пророк Мохаммед:

"Знайте, что жизнь ближайшая - забава и игра, и красование, и похвальба среди вас, и состязание во множестве имущества и детей, наподобие дождя, растение от которого приводит в восторг неверных; потом оно увядает, и ты видишь его пожелтевшим, потом оно бывает соломой". /Коран. Сура 57 "Железо", аят 19/

О своем горьком опыте испытания земными благами рассказывает и Екклесиаст, или Проповедник, под каковым именем, как думают, скрывался великий царь Соломон:

"И сделался я великим и богатым больше всех, бывших прежде меня в Иерусалиме; и мудрость моя пребыла со мною. Чего бы глаза мои ни пожелали, я не отказывал им, не возбранял сердцу моему никакого веселия, потому что сердце мое радовалось во всех трудах моих... И оглянулся я на все дела мои, которые сделали руки мои, и на труд, которым трудился я, делая их: и вот, всё - суета и томление духа, и нет от них пользы под солнцем!"

/Ветхий Завет. Книга Екклесиаста, 2:9-11/

Евангелист Матфей, спутник и ученик /апостол/ Иисуса Христа, так передает слова Господа нашего из проповеди на горе в Галилее:

"Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, ибо где сокровища ваши, там будет и сердце ваше". /Новый Завет. Евангелие от Матфея, 6:19-21/

И буддизм, и конфуцианство, и ислам, и иудаизм, и христианство единодушно делают выбор в пользу такого пути для своих последователей, который исключил бы сиюминутные искушения мира материального. Не призывая к крайнему аскетизму и даже не особенно настаивая на воздержанности, процитированные выше великие люди делают лишь особый упор на демонстрацию преходящего, безусловно не жизненно необходимого, что лишь отвлекает нравственные и физические силы человека от истинной цели - самопознания и самосовершенствования. Таковы идеи, с которыми стоило бы познакомиться, забыв хотя бы на время о мобильных телефонах и видеокассетах.

Этого, как говорится, *variēti sat**, и самое время оглянуться вокруг. Почему в наш век вещей даже мы, русские, когда-то равнодушные к благам, покорены в е щ и з м о м? Почему лишь самые одухотворенные среди нас натуры чувствуют мертвящий холод Материи, постепенно сковывающий и гасящий едва теплящийся в нас огонек Духа? Вероятно, от лениости душевной. Чтобы жить в Духе, необходимо приложить такие усилия, результат которых неопутим нашими органами чувств. И тогда мы обращаемся к Материи и, приложив совсем другие усилия, убеждаемся в реальном существовании результата. Мы ищем себе легкие пути, и изначально греховная природа наша мстит нам за это, окружая вещественной реальностью, которая на самом деле - бредовый призрак. В интервью журналу "Америка" в 1992 году Иосиф Бродский говорил:

"Вообще, если у человека не отмерли нервные окончания, то любое место, в котором он находится, в той или иной степени вызывает у него ощущение абсурда. Тыходишь в помещение, ты с кем-то говоришь, но при этом в сознании все время присутствует ощущение, что происходящее - полный бред, что ты тут вообще не должен находиться, и твой собеседник - тоже". /14/

Одним из немногих, кто очень чутко улавливал мертвящий холод Материи и был способен, по вере своей в Бога, сохранить верность Духу, был Андрей Тарковский. Сколько негодующей слюны вызвали у наших тупиц его гениальные фильмы! Непонимание и неприятие были так велики, что невольно наводили на мысль об их истинной причине: у Тарковского в каждой картине - нравственный идеал, религиозное чувство, высокая мысль. Кто из посетителей наших заплеванных подсолнухами кинотеатров способен был вынести такое издевательство над своими низменными чувствами и мыслями?

Даже его соавтор по фильму "Андрей Рублев" А. Михалков-Кончаловский был убежден, что в своей верности Духу Тарковский отдался от России. Он считал, что Тарковский уходил от русской традиции и традиции западной: "он заменил душу духом; душа - начало женское, теплое, робкое, а дух - начало мужское". Кончаловский называл эту эволюцию Тарковского движением от православия и католицизму, даже к протестантизму. Все эти наблюдения интересны и, пожалуй, справедливы, однако непонятно, как можно упрекать художника за "конфессиональное несоответствие", тем более, если речь идет не о капризах, а о верности Духу? Незадолго до своей кончины в парижской клинике Тарковский записал в своем дневнике /запись от 01.10.1986/:

"Способна ли в человеке победить его духовная сущность в тех случаях, когда речь идет не о грехе, а о верности Духовному? Если неверность Духовная еще не грех... Что такое грех? Действие в пользу уничтожения человеческого достоинства, духовной высоты. Насилие души. Наше время... слишком материальное для того, чтобы опираться о Веру, как о Камень?"

Слово сказано! Время слишком материально. И если у самых высоких умов, у самых чутких душ появляется чувство временного поражения в борьбе с "полным бредом" происходящего, если "абсурд" стеной встал даже вокруг них - сколько же времени потребуется целому народу, чтобы покинуть эти застенки и воссоединиться с Духом? Но если есть Вера, то надо опереться о Веру, как о Камень. Настало время "собирать камни" для всего русского народа.

§ 16. Эволюция Духа. Признаки кризиса в духовной жизни России стали появляться уже в конце XIX-начале XX веков, что вызвало рождение эсхатологических мотивов. Владимир Соловьев, размышляя о конечном итоге развития человечества, пишет Льву Толстому 28.07.1894:

"Для человека бессмертие есть то же, что для животного - разум; смысл животного царства есть животное разумное, т.е. человек. Смысл человечества есть бессмертный, т.е. Христос". /84/

Полемизируя с искателями и строителями Царства Божьего на этой земле и в этом времени, другой эсхатологически мыслящий философ, Н. Бердяев, писал в книге "Философия неравенства" /1923/:

"В вечности, а не во времени может быть побеждено время и может наступить Царство Божие". /II, с.274/

Кризис общества и сопутствующие ему социальные, политические и психологические катаклизмы затянулись. Лучшие умы страны с беспокойством отмечали глубокий упадок не только духовности народа, но и тяжелые болезни его души, своего рода редукцию ее способности к любви. Отец Павел Флоренский в уже цитированной выше книге писал об этом так:

"Без любви - а для любви нужна прежде всего любовь Божия, - личность рассыплется в дробность психологических элементов и моментов. Любовь Божия - связь личности". /100, с.173/

Проследить эволюцию Духа - весьма неблагоприятная задача. Иногда то, что воспринималось как декаданс /упадок/, на самом деле становилось апофеозом. Разве не апофеоз духа - пессимистическое восклицание великого Сократа: "Я знаю, что ничего не знаю"? Жизнь идет: история знает целые периоды упадка духовности, временной победы грубого рационализма или беспросветного невежества, тупого догматизма или буйного разгула. Но история существует и для того, чтобы извлекать из нее уроки. Духовность выживает и в подполье; даже до полусмерти измороженная, она в конце концов воскресает, подобно ее высшему носителю - Христу. У Духа два ангела-хранителя: один - это вера /а с нею надежда и любовь/, другой же - совесть /а с нею мудрость и память/.

Вот так, опираясь на веру и совесть, выживала Духовность во дни величайших гонений на нее со стороны Антихриста XX века - тоталитарного государства. Народы СССР и Германии, другие народы выжили в те дни физически. Они уже восстановились психологически. Они должны теперь воскреснуть духовно. В этой связи чрезвычайно важен вопрос о единении христианских церквей, католической, православной и протестантской. Он волновал еще В. Соловьева и других русских мыслителей. Так, Лев Шестов, со свойственным ему радикализмом, сводил христианство к либеральному протестантизму /книга "sola Fide - Только верою", 1914/:

"... весь смысл христианства сводится к тому, что сейчас принято называть либерально-протестантским учением... Все Тертуллианы, Амвросии, Ириней, Августины, Пелагии, средневековые мистики, схоластики, даже сам Лютер существовали, мучились, искали, только для того, чтобы восторжествовала истина современного либерального протестантизма". /II6, с.18/

Европа подала всем народам великолепный пример, строя на Старом континенте первое в мире либеральное супергосударство, Европейский Союз. От северных областей Финляндии и Швеции до южных оконечностей Испании, Италии и Греции, от западных берегов Ирландии и Британии до восточных границ Венгрии и Польши строится общеевропейский дом, разрушаются внутри него границы, и народы сливаются в единую семью, вне зависимости от того, на каком языке они говорят и какое христианство исповедуют. Православные, католики, лютеране, кальвинисты, англикане и баптисты - все конфессии мирно уживаются под одной крышей.

Единение - лучший из возможных финалов всякого развития. Так и эволюция Духа могла бы увенчаться апофеозом, получи она сейчас новый импульс. К сожалению, в политическом отношении на постсоветском

пространстве происходят прямо противоположные процессы. Вероятно, русским, украинцам и белорусам еще раз хочется показать другим народам, как делать не надо.

Всё ли хорошо на Западе, всё ли плохо у нас /или vice versa/? Пожалуй, сейчас надо ставить вопрос о том, что плохо и там, и здесь. Уже после самой кровопролитной в истории Второй мировой войны замечательный американский писатель Уильям Фолкнер в своей Нобелевской речи с тревогой говорил о том, что наше время трагично, и причина этого - "чувство всеобщего и универсального страха", которое глубоко укоренилось во всех нас. Настолько глубоко, что "проблем духа более не существует". Но ведь этот самый страх потому и терроризирует всю христианскую парадигму мировой цивилизации, что Дух не борется с ним. Духовная личность и, говоря расширительно, духовный народ этого страха не знают.

Значит, основной задачей, стоящей перед русским /не только русским!/ народом в XXI веке, является задача возрождения духовности. На костях меркантилизма и на крови невежества, из праха догматов нам всем необходимо возродить Духовность. Только цивилизация, путеводная звезда которой - Дух, способна духовно обогатить всё человечество. Так пусть это будет христианская цивилизация, в том числе ее русская парадигма!